

УДК 94(4) «1939/45»

«Всего не перескажешь...»

Аманжолова Дина Ахметжановна

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. 117036 г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д.19. E-mail: amanzholova19@mail.ru

Аннотация. Автор обращает внимание на специфику межпоколенной взаимосвязи в актуализации памяти и эмоциональном восприятии знаний о Великой Отечественной войне. Подчеркивается принципиальное значение сохранения и активного распространения правды о преступной сущности фашизма, о подвигах старших поколений советского общества в 1941-1945 гг., актуальность системного противодействия извращению фактов о решающем вкладе СССР в победу над нацизмом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; патриотизм; семья; память.

Я ненавижу войну. Я ненавижу фашизм. Уходят наши бесценные старики – все меньше свидетелей и участников Великой Отечественной. Тех, кто прожил и пережил страшную беду, взрастил и утвердил на весь мир грандиозную, на все времена, ПОБЕДУ. Что остается нам? Как мы продолжим и сохраним величие тех событий и бессмертие победителей фашизма? Что мы можем противопоставить сегодня чудовищной лжи, распространяемой дельцами от политики, стремящимися переписать историю, ниспровергнуть ПРАВДУ, возвеличить античеловечную идеологию нацизма, подлость и предательство?

Не сомневаюсь, что эти вопросы задает себе каждый равнодушный к судьбе своей страны, воплощенной в жизнях наших отцов и матерей, дедов и бабушек, – свидетелей и хранителей знания, пропущенного через собственные сердца, неизбывных чувств горечи огромных утрат и гордости за восстановление мира и справедливости.

Борьба за отстаивание правды о войне, о жизни, ратных и трудовых буднях наших старших поколений – персональная гражданская ответственность каждого из ныне живущих, потому что мы не имеем права предавать наших стариков. Великая Отечественная не может быть просто назидательным и даже самым талантливым повествованием – литературным, кинематографическим и телевизионным, музыкальным и изобразительным, научным, образовательно-воспитательным и экскурсионным. Она должна быть и оставаться абсолютно гармоничной, неразрывной частью личной памяти и индивидуальной духовной жизни любого из нас, в том числе все новых и новых молодых поколений. Чтобы популярный слоган «Спасибо деду за Победу!» был не только презентацией общенациональной гордости, но и прямым выражением личной связи с прошлым того, кто поместил эту надпись.

В Советском Союзе патриотизм был естественным проявлением национального чувства для любого гражданина страны, идентифицировавшего себя как представителя и носителя государственного, державного начала, которое издавна доминировало в комплексе критериев самоопределения россиянина. Чувство комплиментарности и сложный опыт многовекового взаимодействия, сотрудничества и сожительства объективно толерантных друг другу народов СССР закономерно обеспечивали приоритетное место гражданской идентичности. Повседневная жизнь каждого человека в огромной державе, независимо от официально поддерживаемых установок, складывалась из всей многозначной и разнообразной социокультурной практики. Совместные труд и творчество, профессиональные занятия и увлечения, взаимный обмен уникальным социально-хозяйственным и культурным опытом, скрепленные суровыми испытаниями дружба и товарищество, любовь и семья, единственная и неотъемлемая от гражданского понимания и этнического самосознания Родина служили мощным основанием

объединяющего всех патриотизма. Москва была единственной столицей всех народов СССР, Советский Союз не мог восприниматься как некая навязанная извне территория согражданства, поскольку малая родина – республика, область, район, город или деревня – в индивидуальном и групповом сознании не отрывалась от единого государства. Разумеется, такие представления, характерные для большинства людей, «перекочевавших» из общей страны – Российской империи – в ту же общую страну, но уже СССР, не были всепоглощающими. Но социальное и идейное отторжение советской власти и идеологии большевизма далеко не всегда означали этнократическую политизацию самочувствия и гражданского поведения людей. Война послужила самым сильным индикатором, «провокатором» для проявления и испытания нравственной и гражданской зрелости людей, приоритетов их ценностных ориентиров.

Война и память поколений. Частый рефрен: «Лишь бы не было войны», – многие десятилетия был отнюдь не шуточным. Память о самых тяжелых испытаниях, пережитых в 1941-1945 гг., абсолютному большинству людей давала право повторять эти слова при наступлении тех или иных тягот, прежде всего почти перманентного дефицита на любые товары «ширпотреба». С особым, трепетным вниманием встречались новости о возможных внешнеполитических угрозах. Объяснение таким переживаниям старших дети получали в их рассказах о войне.

В мою жизнь война как страшное событие тоже вошла в детстве. Кино – художественное и документальное, повести о настоящем человеке Алексее Маресьеве, о юных героинях Гуле Королевой и Зое Космодемьянской, о неустрашимом Николае Гастелло и многих-многих других, буквально пожертвовавших собственной жизнью, создавали романтический настрой. Песни военных и послевоенных лет легко запоминались и были неременной частью семейных и дружеских праздников; их пели все – взрослые и дети.

Кажется странным, что мужчины и женщины, вернувшиеся с войны, никогда о ней не рассказывали. О том, что на войне была сестра моего дедушки, я узнала только по фотографии. Несколько двоюродных братьев отца освобождали не только свою страну, но и Европу, и об этом я тоже узнавала по снимкам или из коротких фраз, звучавших мимоходом. Никто из них не вспоминал о боях, о присутствии смерти, о жутких преступлениях фашистов – обо всем, что всегда присутствовало в официальной версии и в художественной интерпретации событий, участниками которых они были. Абсолютно достоверные исторические свидетельства военных бедствий, справедливая ненависть к фашизму и войне вращались в нашу память и не могли быть опровергнуты, как и фактическое присутствие фронтовиков в нашей повседневности. Но ужасы войны в сознании детей и внуков Победителей воспринимались вне связи с родными людьми. А они как будто стремились успеть нарадоваться жизни в самых обычных ее проявлениях. Именно участники войны – самое жизнелюбивое и жизнерадостное поколение. Трудно вспомнить их брюзжащими или унылыми, разочарованными или злыми. Озорные шутки и остроумные комментарии, задушевные встречи родных, друзей и соседей – все это стало одним из главных атрибутов житейских практик недавних солдат и офицеров и их семей.

Для миллионов представителей поколения участников Второй мировой и Великой Отечественной, увы, уже почти полностью ушедших в Вечность, за граница оставалась далекой, загадочной и недоступной, утопией с точки зрения действительных возможностей, уровня и качества жизни обычных граждан на протяжении практически всей советской истории. Но Великая Отечественная война все изменила: огромное число советских солдат и офицеров, пленных, угнанных на работы в Германию мирных граждан – впервые увидели чужой мир, представавший в необычных, диких и

нередко жестоких красках, которые дарила дорога за рубеж отчизны и домой. Приобретенный благодаря страшной мировой трагедии опыт знакомства с иной культурой оставил глубокий след в памяти и душе каждого участника тех событий. **При этом возвращение на Родину было самым ожидаемым и самым бесценным итогом таких путешествий – и для их участников, и для ожидавших их дома родных.** Этот рассказ – об одном из таких «путешественников», запечатлевшем свой боевой заграничный маршрут.

Автор нижеследующих воспоминаний Ахметжан Юсупжанович Аманжолов (1925-2004) был призван в армию в январе 1943 года. 18 лет ему исполнилось в мае, и к этому времени он уже прошел первоначальную военную подготовку. Очевидно, национальная принадлежность сыграла свою роль – казахский паренек из далекого села, получив звание сержанта и специальность связиста, оказался в Забайкалье, где дислоцировались войска, противостоявшие союзнику фашистской Германии – Японии.

Война с ней была скоротечной, завершив историю Второй мировой, но в историографии, особенно в предназначенной для широкого круга лиц литературе, осталась почти незамеченной. Авторы общих изданий и учебников ограничиваются, как правило, сухим и кратким изложением событий. Гораздо меньше внимания уделяется и мемуарам героев боев с Японией. Но для участников основной операции в войне с Японией, в том числе, форсирование Большого Хингана, о котором также говорится в воспоминаниях, она была продолжением Великой Отечественной (среди однополчан автора были и участники Сталинградской битвы), а для молодежи, только вступавшей в жизнь, как мой отец, - самой важной, самой дорогой и самой ценной школой взросления и формирования личности, братства, патриотизма и интернационализма – на всю оставшуюся жизнь. Именно боевой и армейский опыт предопределил дальнейшую судьбу и характер военного поколения.

Как показывают годы общения с современной студенческой молодежью, чаще всего только возрождение семейной памяти, сосредоточенной в домашних архивах, интервьюирование собственных старших родственников, среди которых, увы, уже почти нет современников и участников войны, помогают ей научиться сопереживать прошлое, наполнить связь поколений зримыми образами и настоящими чувствами, через близкие и понятные примеры воспитать уважение к бесценному достоянию нашей истории.

Юность, проведенная в военное время и в армейской обстановке (А.Ю. Аманжолов демобилизовался в 1950 году), предопределила для ветеранов трепетное отношение к Родине, к памяти о потерях и героизме своих командиров и товарищей, умение быть надежным другом и членом коллектива, трудолюбие и дисциплину, терпение и упорство в достижении цели, удивительный оптимизм и чувство единства многонациональной нации.

Песни военных лет для этого поколения были самыми любимыми, близкими и дорогими. Прочитывая заново воспоминания, понимаешь, что именно пережитое в заграничном походе по китайской земле заставляло отца и его фронтовых друзей так часто запевать: «...хороша страна Болгария, а Россия лучше всех!»; и – «...в любом порту, в любой заморской гавани бывал, повсюду я по дому тосковал...». Фронтовики и 20-30 лет спустя умели быстро и интересно «зарядить» своих детей на игру в «разведчиков» и помочь старикам в «тимуровской команде», продолжали шуточные обмены между собой «не глядя», когда вместо единственных часов можно было получить какой-нибудь пустячок, но обиды при этом никогда и ни у кого не возникало. О самой войне, как правило, не вспоминали и не рассказывали, лишь некоторые эпизоды озвучивались после настоятельных просьб, но западали в детскую память уже навсегда.

Забытое сегодня слово «интернационализм» не было пустым звуком для участников войны. **Без взаимной поддержки и уважительного отношения**

друг к другу, нераздельного совместного подвига, скрытого за ежедневным выполнением боевых задач, Великая Победа наших дедов и отцов – граждан одной на всех великой Родины, была бы невозможна.

Приходит время, когда человек остро осознает потребность сохранить и передать самое значимое в своем нравственном багаже, выстраданные идеалы и ценности. Судя по тексту, автор вначале 1980-х гг. пытался найти своих командиров. Накапливая настроение и обращаясь к памяти, он несколько раз переписывал воспоминания. Один из экземпляров оказался у меня уже после того, как отца не стало.

Сегодня написанные более 20 лет назад воспоминания могут показаться в чем-то наивными, к тому же подчиненными социально-психологической атмосфере середины 1980-х годов. Но и в этом их ценность и актуальность. Уже через 6 лет после создания этого текста не стало великой страны, за которую воевали герои мемуаров. Сами они оказались разделены новыми границами, а агрессивная дискредитация «советскости» во многом подорвала духовные и физические силы старших поколений, лишила молодежь чувства непрерывности и преемственности традиций, гордости за стариков и уважения к недавно минувшему. Сейчас возрождение общих ценностей, толерантности и связи поколений важны как никогда.

Об этом и о многом другом, раскрывая повседневные тяготы и тревоги, надежды, страхи и радости, встречи и открытия миллионов солдат и офицеров, победивших врага, напоминает бесхитростный рассказ ветерана войны, написанный в год 40-летия победы.

После войны А.Ю. Аманжолов учился, затем работал учителем, партийным работником, директором средней школы с. Бородулиха Семипалатинской области Казахской ССР (после распада СССР – Республика Казахстан). Многие годы он активно участвовал в работе Советов ветеранов войны и труда, внимательно и заинтересованно следил за общественно-политической жизнью, часто выступал перед молодежью и в местной печати по социальным, экономическим и культурным проблемам развития региона. Был награжден орденами Великой Отечественной войны III степени и Г. Жукова, медалями «За победу над Японией», «За доблестный труд», «За освоение целинных земель», в постсоветском Казахстане – медалью «Ерен еңбегі үшін».

Название документа приводится по оригиналу. Примечания по персоналиям, географическим и иным названиям и терминам даны публикатором.

**Воспоминания участника войны с милитаристской Японией
с 9 августа по 3 сентября 1945 года, ветерана войны Аманжолова А.Ю.
(г. Семипалатинск, март 1985 г.).**

Герои и жертвы
Прошлой войны
Зовут нас на борьбу
За мирное небо страны

1. 9 января 1985 г. Главное управление кадров Министерства обороны СССР на мой запрос дало следующий ответ: «...подполковник в отставке Добровольский Леопольд Максимович умер в 1968 году.

Подполковник в отставке Плоткин Иван Стефанович умер в 1979 году.

Установить сведения на Голубенко, не зная его имени и отчества, не представляется возможным...»

Первый был командиром нашего 1912-го истребительного противотанкового артиллерийского полка, второй – начальником штаба, а капитан Голубенко – заместителем командира полка по политической части.

Добровольский Л.М. по национальности поляк, Плоткин И.С. – белорус, а Голубенко – украинец. А все вместе – советские люди.

Воспоминания начинаю с упоминания о них, потому что это были настоящие, в классическом понятии этого, командиры-большевики, педагоги и психологи, замечательно знающие свою военную профессию и душу солдата. Как и все мои однополчане, я обязан своим становлением, как воин Советской Армии, прежде всего им и другим командирам и политработникам Советской Армии.

Наш полк, резерва Главного Командования армейского подчинения, дислоцировался в 6 км северо-западнее ст. Харанор Забайкальской ж.д. в Читинской области. Нам говорили, что 1912-й ИПТАП (истребительно-противотанковый артполк) сражался на Курской дуге, полностью погиб, но не пропустил фашистские танки.

Осталось знамя полковое, значит, жив полк. Поэтому в августе 1943 г. полк был восстановлен в новом составе и с новейшей боевой техникой, но уже в далеком от фронта Забайкалье.

Мы, молодые 18-летние сержанты разных артиллерийских специальностей, в основном из Семипалатинской области, окончив полковую школу, были направлены в этот полк. Голые сопки, жара. Стали прибывать офицеры и солдаты, оружие. Начали строить из подручного материала землянки и одновременно изучать боевую технику, тактику и т.д., т.е. овладевать боевым мастерством. В этом полку со мною служили бородулихинцы: Михаил Саянкин, Григорий Шувалов, со ст. Бель-Агаш – Петр Казаков, Иван Волконидин, Иван Белич и многие другие, призванные в армию, как и я, 24 января 1943 г.

В противотанковом артполку, какой бы ты специальности ни были (разведчик, связист, шофер, артмастер и т.д.), должен уметь быстро и прицельно стрелять из орудия по танкам. Орудие большой убойной силы: на 800 м «прошивает» подкалиберным снарядом броню танка. Этому способствует среди других данных и длинный ствол. Поэтому среди солдат бытовала поговорка: «Ствол длинный, а жизнь короткая», т.к. не попади в танк с 1-го снаряда, он уничтожит орудие. Как-то во время учений командир полка услышал от солдат эту поговорку и громко добавил: «Если ты плохой пушкарь».

Эти слова стали крылатыми, и все учились воевать, не жалея пота и труда, днем и ночью, зимой и летом, в любую погоду. Командующий артиллерии армии обещал, что при хорошей подготовке будем отправлены на фронт. Конечно, все старались. В 1944 году полк трижды на инспекторских учениях получил оценку «отлично», но на фронт не попал. Как говорится, начальству виднее.

В июле 1945 г. полк ночью по тревоге снялся с места и отправился на восток к пограничной реке Аргун. В 5 часов утра 9 августа 1945 года нам объявили о начале войны с союзником фашистской Германии милитаристской Японией.

Воздух огласился троекратным «Ура!». Получен приказ перейти границу. Полк по понтонному мосту перешел на территорию врага, а пехота и танки уже гнали японцев вглубь страны.

11 августа полк, пройдя 180 км, подошел к западной окраине взятого 9 августа нашими войсками г. Хайлара. Река Хайлара, за рекой – город в дыму. Стрельба из всех видов оружия. Команда: войти в город. Так мы вступили в бой. Дело в том, что хоть город и был взят, а передовые наши части пошли дальше на восток, но уличные бои продолжались, т.к. город был укрепрайоном, упирающимся своими концами в берега реки севернее и южнее города. Японцы по подземным ходам пробирались в тыл наших подразделений в городе и внезапно нападали на них.

Полк втянулся в город и остановился на какой-то площади. В это время с крыши пятиэтажного дома застрочил пулемет. Мы все выскочили из машин и открыли ответный огонь из личного оружия.

Японские пулеметчики могли наделать много бед, но спас положение наш односельчанин Гриша Шувалов. Он был отличным наводчиком-снайпером, крепкого телосложения (фигурой и лицом на него похож его младший брат Владимир Шувалов – тракторист колхоза «Заветы Ильича»¹). Гриша один отцепил орудие от машины, раздвинул станины, вырвал из кузова ящик со снарядами. Зарядил и навел орудие и с первого же выстрела сбил пулемет. Он спас многие жизни, но сам упал с переломанной ногой, т.к. сошники пушки вкопать в землю было некогда: площадь была выложена камнями, а времени не было. От отката колесо пушки переехало ногу (вес пушки: тонна, центнер, пуд, т.е. 1116 кг). Лежа у пушки, Гриша подозвал меня и, морщась от боли, стал выгребать из карманов автоматные патроны, говоря: «Бери, земля, я, кажется, отвоевался». Сейчас он живет где-то на Северном Кавказе.

Так закончился первый бой. Не успел полк рассредоточиться, как нас атаковали японские кавалеристы. Снова стрельба из всех видов личного оружия. Японцы свернули в переулок, где их встретили другие, а мы ни одного убитого не увидели. Вероятно, сказалось сильное волнение первого боя.

После этого мы участвовали в уличных боях и по взятию укрепрайона в течение недели. Наши орудия били по бронеколпакам и амбразурам дотов с расстояния 50-18 метров. Вместе с пехотинцами врывались в доты и участвовали в рукопашных боях в подземных этажах.

Запомнились такие эпизоды.

Наводчик Калиев из Восточного Казахстана 18-тью снарядами разбил 18 бронеколпаков, стреляя точно по амбразуре, дал возможность саперам обложить дот ящиками с толом и подорвать его.

Лейтенант Небров, участник боев за Сталинград, увидев, что пехота после нашего артналета не поднялась в атаку, крикнул: «Разведчики, за мной!» – и рванул в брешь, пробитую в двери дота. Он уничтожил двух японцев и с подоспевшими разведчиками и связистами забросал подземелье гранатами. Оно, как потом мы убедились, шло вниз на 3 этажа.

Сибиряк старшина Кириков командовал огневым расчетом, поддерживавшим пехоту, бравшую каменную церковь, превращенную японцами в опорный пункт. Подавлялись орудием одна за другой огневые точки. Пехота ворвалась в церковь, но сверху враг забрасывал их гранатами, осыпал пулями, а с колокольни били пулеметы. Из семи человек расчета шестеро вышли из строя, но старшина один, израненный, все бил и бил по колокольне, пока она не рухнула на японцев. Церковь была взята.

Во время уличных боев оказалась убитой и лежала посреди улицы китайка. Около нее ползал малыш 1-1,5 лет, забрался на ее грудь и громко плакал. Мы увидели это из подъезда разрушенного бомбежкой многоэтажного дома. Кругом свистели и щелкали по мостовой пули, рвались японские мины, но смотреть на беззащитное дитя в таком состоянии было невозможно. Не помню кто, но один кинулся спасать ребенка и упал раненым. Тогда Саянкин Миша остановил остальных, взял в машине орудийные лямки, связал их, и мы, бросая петлю, вытянули раненого товарища, а потом и ребенка. Понесли его по переходам и отдали в подвале одной китайской семье. Думаю, что комментарии излишни.

Здесь, в Хайларе, мы впервые были очевидцами звериной жестокости врага. На окраине города расположился полевой госпиталь. Ночью в палатке на 40 человек лежало 40 раненых бойцов, и у столика дремала дежурная медсестра. Вот в эту палатку пробрались японцы и зарезали всех беззащитных кинжалами.

В ходе боев за взятие Хайларского укрепрайона часть батарей нашего полка вывели на наружный обвод. Пятая батарея вышла в степь восточнее укрепрайона для поддержки пехоты огнем и колесами и постепенно приближалась вместе с ней к дотам, находящимся под песчаными дюнами, поросшими сосняком. На второй день на закате наша пехота снялась с позиций и ушла в другое место. Командир роты предупредил о том, что впереди, кроме врага, нет никого.

Так батарея на ночь осталась без пехотного прикрытия. Вот здесь и случился один из тех курьезов войны, а которых нам рассказывали бывалые фронтовики, а мы им верили и не верили. Пехота ушла. Наступала ночь, и командир батареи принял единственно возможное решение. Он приказал всем приготовить личное оружие к бою, выставить дозоры и секреты впереди оружейных позиций. Все запаслись гранатами и патронами, поднесли побольше снарядов от машин-тягачей.

Когда командир орудия Петр Казаков проверял готовность расчета, он обнаружил, что ефрейтор Распопин оставил в машине штык. Последовал приказ: «Марш за штыком! 3 минуты».

Все видели кузов автомашины, стоящей в капонире метрах в 100 сзади орудий. Когда Распопин взобрался в кузов и начал искать штык, просвистела над позициями единственная японская мина (видимо, шальной выстрел). В кузове машины всплеснул взрыв, в котором исчез Распопин. Раздался единый возглас: «Капут Распопину!» Но минут через 7-8 в оружейный ровик свалился бледный, но целехонький ефрейтор Распопин. Он заикался и все ощупывал себя, похлопывал по бокам и груди. Раздался бурный взрыв смеха, соленые солдатские остроты. Но строг был старший сержант Казаков: «Прекратить смех, все по местам!» - и каждый занял свое место. Так мы убедились в правдивости фронтовых баек и счастливых выкрутасах войны.

Скоро наступила ночь. Ночь тихая, безмолвная, без ракет и стрельбы. Ночь страшная своим неизвестным и грозным молчанием. Темная ночь. Идет время и растет напряжение. Никто не спит, каждый всматривается во тьму, от волнения холодит спины под шинелью, пробирает дрожь. Спасение в курении, и подается команда: курить по очереди по 2 человека, маскируя свет. Известно, что ночью в степи огонь сигарки виден за 2 километра.

Ефрейтор Ш. закурил с товарищем и встал в ровике, опираясь спиной на заднюю стенку окопа. На предупреждение товарища, курившего сидя на дне ровика, о светомаскировке, нехотя и грубо ответил что-то вроде: «а пошел ты...». Затяжка, другая, и Ш. опустил на дно окопа, привалился к плечу товарища. «Ты что навалился?», - и толчок плечом. Ефрейтор Ш. свалился. Быстро принесли и накрыли плащ-палаткой, засветили фонарик. Во лбу Ш. под срезом каски маленькая дырка. Так погиб, не дожив до 19 лет, ефрейтор Ш. – первая жертва этой ночи. Все очевидцы этого случая вспомнили параграфы уставов и наставлений, приказы командиров и рассказы бывалых фронтовиков о необходимости неукоснительного соблюдения дисциплины.

Время текло, ночь шла. Младший сержант С., выдвинутый метров на 20 впереди орудий, бросил гранату и крикнул: «Японцы!». Началась стрельба из личного оружия. Японцы с криком «Банзай!» поднялись в атаку. Около орудий снаряды, но они не осколочные, а бронебойные «болванки» для танков.

Тут не растерялся старший сержант Казаков. Он приказал: «Заряжай!». Сам встал к орудию и навел ствол горизонтально по земле. Выстрел! Выстрел! Загрохотали и три других орудия. Бронепрожигающие снаряды неслись над самой землей со скоростью 1200 м/с, отскакивали от кочек и вновь, падая на землю, неслись вперед, а за ними стремились огненные клубки горячей осенней травы, степного ковыля. Неизвестно, за что приняли это японцы, то ли за выстрелы знаменитых «Катюш», то ли за огнеметы, но откатились и больше не атаковали.

Приближался рассвет. Петя Казаков стоял за орудийным щитом и через его верх смотрел в сторону японцев, поворачивался и смотрел назад – не идет ли пехота, на ребят в ровике. Поворачиваясь, он невольно, то заслонял грудью, то открывал отверстие прицела в щите. Видимо, не ускользнуло это от зорких глаз снайпера. Петя Казаков – умный, выдержанный, смекалистый и храбрый командир расчета – упал с пробитым у сердца комсомольским билетом. Через полчаса пришел приказ сняться с позиций. Товарищи завернули тело Пети в одеяло и похоронили в ровике. По окончании войны благодарные китайцы воздвигли памятник славы погибшим под Хайларом советским воинам. Останки погибших в братской могиле у памятника, а фамилия нашего земляка высечена на граните обелиска.

Полк вывели из боев в степь восточнее Хайлара. До середины дня приводили в порядок матчасть, оружие и себя. В полдень был получен приказ: «По машинам!». К нам посадили пехоту, и полк двинулся вперед, вдогонку отступающим японцам, на форсирование горного хребта Большой Хинган с целью дойти до Чаньчуня, где высадился наш авиадесант. Я был командиром полковой радиостанции и, «шаря по эфиру», слышал позывные на русском языке. Наши десантники по радиации передавали: «Говорит Чаньчунь, говорит Чаньчунь», – и раздавалась музыка, – и больше ничего. Но так часто это повторялось, что мы воспринимали это как: «Братцы, на помощь! Поспешайте!».

День и ночь мчались, обгоняя пехоту, машины на юго-восток. Марш-бросок был таким стремительным, что и думать нечего было о горячей пище. Галеты и «второй фронт» – американские консервы из свиной тушенки. Вот и вся еда. Однажды километрах в десяти в стороне на барханах наблюдатели заметили что-то белеющее. Посланные разведчики привезли двух совершенно обессиленных, измученных жаждой солдат. Они сообщили, что там, за барханами, находится «виллис» (легковой автомобиль типа нашего ГАЗ-65), в котором капитан, медсестра и еще два бойца. Ночью заблудились в степи и послали двоих на разведку. Ребята без воды, от жажды обессилены и не смогли идти. И поэтому, привязав на штык портянку, соорудили из шинелей шалашик и упали, изнывая от жары.

Сделав короткий привал, послали машину за барханы. Вскоре машина с бойцами вернулась, буксируя «виллис». Когда мы увидели, что в «виллисе», то содрогнулись от ужаса и гнева. Враги не просто убили наших воинов и медсестру. Они изрубили уже погибших, в том числе и медсестру, на куски, вспороли животы. В общем, издевались над мертвецами, как могли. Увиденное взбудоражило всех. Командиры и политработники обходили машины и говорили: «Видели?! Выступаем в поход. Бдительность и дисциплина! Дисциплина и бдительность! Никому от колонны не отрываться».

Когда достигли предгорий Большого Хингана, вода в колодцах была отравлена, в руслах рек лежало множество трупов животных и людей. Брать такую воду было категорически запрещено. Сделав по 2-3 глотка из фляжек, прополоскав рты, всю воду слили в радиаторы и пошли вперед.

Извилистые серпантины дороги тянутся все выше и выше. Натужно гудят моторы «студебеккеров» (американские автомашины-тягачи). Во рту сухо. Начинают трескаться губы. Слизываем с них солоноватую кровь. Кипит в радиаторах вода, и машины останавливаются. Под колеса сзади ставятся тормозные башмаки. Нет воды уже вторые сутки. Гимнастерки побелели от соли, пота и коробятся на лопатках, подмышками, белая хрустящая кайма по краям пилоток. Некоторые бойцы вместо слов произносят хрипящее «бу-бу», т.к. начали чернеть и пухнуть языки, но люди бодры, пытаются шутить: «...от те-е Куз...ина ...ать», «...а-а-р те-ат-е го-ял!», «хо-ш эски-о» и т.д.

Идут вдоль колонны командиры и политработники: «Истребители! Надо вперед. Суворовские чудо-богатыри не то брали. Возьмем и мы Хинган.

Вперед!» И пошли вперед. Отцепляли орудия и ставили на колодки, а машины тянули на орудийных лямках и толкали вперед и вверх на несколько метров, закрепляли колодками, чтобы не скатились назад, и подталкивали орудия. Жара. Адский труд, но движемся. Короткий отдых. Миша Саянкин щурит в улыбке узкие глаза: «Вот бы домой, земля, пол соленого озера высосал бы, а?» – «Нет. Крынку молока из погреба». – «Ишь, ты! Губа не дура, да только потрескалась. Не сумеешь!»

Команда «Вперед!». Еще 5-10 км, еще чуть-чуть, а силы убывают. И вот тут неожиданно налетел ветер, нагнал тучи, и хлынул ливень. Все подняли головы вверх, ловя иссохшими ртами благодатную влагу. Подставляли пилотки. Падали ниц и припадали губами к грязным ручейкам, текущим по колею и со склонов гор. Раздалась команда: «Прекратить пить! Раскатать тенты и скатки, мочить гимнастерки!». И вовремя. Некоторые солдаты, нахлебавшись воды, ложились на дорогу в изнеможении. Сержанты и офицеры хватили солдат за ремни, трясли и ставили на ноги. Приказывали не пить, а собирать воду.

Быстро прошел внезапно налетевший ливень. Скинуты с кузовов пустые бочки и канистры, в которые выжимали воду из намокших шинелей и гимнастерок, сливали с тентов и кирзовых сапог, выжимали пилотки и портянки. Заправили радиаторы и двинулись вперед и вверх.

А далеко внизу видны как спичечные коробки домики железнодорожной станции, вагоны. На исходе дня начался спуск. Вот из-за оплошности шофера слетела в ущелье одна машина. Подана команда сойти с машин и поддерживать их сбоку со стороны обрыва. Командирам расчетов приказано встать на левое крыло и не давать шоферам дремать. Наш водитель, парень из Саратова Борзов говорит: «Дай, сержант, спички.

- На кресало, или дай, я тебе прикурю.
- Нет. Глаза слипаются. Надо веки подпереть.
- Нагнись. Дам прикладом по шее – сразу очухаешься.
- Не надо, сержант. Обойдусь».

Быстро наступила ночь в горах. Колонна встала, т.к. фары зажигать нельзя. Утром двинулись вперед и скатились с восточных склонов в теплую, цветущую долину. Бойцы в машинах, легко вздыхая, говорили: «Ну, прощай, Хинган-хулиган!»

Каждому участнику форсирования безводной монгольской степи и горного хребта Большой Хинган, в т.ч. и мне, были вручены личные благодарности Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса И.В. Сталина.

Впереди, в каждом населенном пункте – гарнизоны японцев. Идиллическая картина – стоят часовые, на плацу идут строевые занятия. Соскакиваем с машин и окружаем. Безропотно складывают самураи оружие в кучу, строятся в колонны и маршируют на запад, в плен под конвоем одного-двух наших солдат. Всем было понятно, что хваленая миллионная Квантунская армия японцев деморализована, сопротивляются только одержимые самураи, до конца преданные своему микадо (императору).

Полк все шел вперед и вперед. В каждой городке и каждой деревне ликующие толпы китайцев, кричащих «Шанго, шанго!» (что-то вроде хорошо, молодцы), а среди них нет-нет, да и мелькнет русское лицо. Это бежавшие за границу семеновцы, т.е. забайкальские казаки-белогвардейцы.

Но есть и такие русские, которые с улыбкой и цветами встречают нас, гладят пушки, щупают обмундирование. В одном городке подошли к нам пожилые женщины, с чувством радости говорившие: «Вот какие вы, русские солдаты, а мы в церкви ставили свечи за вашу победу над германцем».

Всякое было. Всего не перескажешь. Если до горного хребта Большой Хинган были голые степи и пески, то на восток от него расстилались плодородные долины, богатые ирригационными системами, ухоженными

полями, и все это делалось вручную тысячами трудолюбивых китайских крестьян для своих господ японцев.

В походе на Чаньчунь, как и при форсировании Хингана, простые китайские рабочие и крестьяне помогали нам, чем могли. Так, они предупреждали о засадах банд хунхузов, о японских смертниках, указывали лучшую дорогу и т.д.

Двигаясь на Чаньчунь, подошли к скрещению реки Нуньцзян с железной дорогой. Надо переправиться на правый берег. Мосты разрушены, плавсредства угнаны японцами. Сохранился только железнодорожный мост. Чаньчунское радио так же все передает: «Говорит Чаньчунь, говорит Чаньчунь», – и музыка. Надо спешить, сзади наши остались далеко. Справа и слева движутся километрах в ста от нас такие же, как наш полк, передовые отряды, сметая на своем пути японские гарнизоны, передавая власть на местах китайским демократам. В этих условиях руководство полка принимает решение снять с автомашин скаты и на дисках переправиться на правый берег, т.к. колея подходит по размерам. Началась трудная переправа, и здесь пришло сообщение о том, что впереди эпидемия чумы. Радиозапрос в штаб армии и ответ: «Двигаться на г. Цицикар». А он остался севернее, сзади нас. Пошли проливные дожди. Грунтовые дороги в болотистой местности превратились в грязную кашу из чернозема, торфа и воды. Опять тянем на лямках и толкаем сзади тягачи и пушки. Все в грязи и мокрые, но бодрые. Во встречных деревнях китайцы помогают гатить дорогу, тянуть машины. Кончились трехдневные проливные дожди, подсохли дороги, и полк подошел к Цицикару.

Здесь 3 сентября мы узнали о капитуляции Квантунской японской армии и конце Второй мировой войны. На станции железнодорожного узла под Цицикаром нам достались огромные богатейшие трофеи японского оружия, продовольствия и материальных ценностей.

Нашему полку и подходившим советским войскам было приказано стоять гарнизоном и охранять склады для передачи их частям Китайской Народно-революционной армии, которых пришлось ждать дней 15.

От этого периода ярко, на всю жизнь запомнились следующие эпизоды.

На пути к Цицикару в одном небольшом городке, где к нашему приходу разбежались японский гарнизон и руководители местного марионеточного правительства марионеточного императора «Маньчжоу-го» Пу И, мы увидели городскую тюрьму. Охраны нет, но все двери под замками. Сбили замки и пошли к камерам. Открываем двери и видим трехэтажные клетки, а в них люди с деревянными колодками на руках и ногах, а у некоторых и на шее. В такой клетке под замком можно только сидеть. Страшная картина. Испражнения верхних текут на нижних, а те сидят в лужах мрази. Нет даже подобия вентиляции.

Сбиваем колодки и просим помочь друг другу выйти в тюремный двор. Но люди сидят молча, потупив взоры, и молчат. Кое-как даем понять, кто мы, и начинается постепенное «пробуждение» от тупого оцепенения. Появляются на лицах подобия улыбок. Робкие, жалкие, какие-то униженные, но улыбки. Некоторые пытаются целовать сапоги. Ужасно, до какого унижения довели японцы людей.

2. Нам разрешили ходить группами в увольнительные в город, где уже действовала наша комендатура. Пошли и мы – группа сержантов во главе с капитаном Извольским. Идем по улицам города. Совсем не наша жизнь. Все чужое, странное. Вот худой, изможденный рикша, впрягшись в оглобли, бежит по мостовой, а в тележке под балдахином сидит толстый господин и погоняет его бамбуковой палочкой.

Вот группа каких-то господ, прикладывая руки к груди, низко и многократно кланяется нам, щеря лица в приторно сладковатой улыбке. Базар. Горы фруктов и овощей, на которых миллионы крупных мух, с гулом взлетающих большими роями при подходе к столикам.

3. Стосковавшиеся по Родине и русской речи, ищем, с кем бы поговорить по-русски. Находим один домик в небольшом, но ухоженном садике. Просим разрешения войти и представляемся. Хозяин – старый, но могучий забайкальский казак, жена, дочь и сын нашего возраста.

Мы стали ходить в этот дом. Были раз десять. Хозяева сначала хмуро приглядывались, нехотя отвечали на вопросы. Потом, видя, что мы ничего плохого не делаем, разговорились, стали заводить граммофон.

Льются песни, мелодия русская, слова – тоже, а содержание такое, что у нас ни родители при детях, ни дети при родителях, да и врозь постыдились бы слушать такие песни. Вот она, белоэмигрантская культура.

Кому-то из ребят попала в руки кипа старых хозяйских газет. Читают, качают головой, пересмеиваются и вдруг – гомерический хохот. Зовут меня и подают газету. Читаю указанную статью. Там написано примерно такое. «В степях от Омска до Ташкента, от Волги и до китайских границ раньше кочевали многочисленные орды киргиз-кайсаков. Придя к власти, большевики назвали их казаками, а потом поголовно уничтожили. Сейчас осталось 18 человек, которых большевики возят в клетках на показ, как зверей. Вот до чего комиссары довели целый народ». Смеюсь, спрашиваю – неужели верили этой чепухе (газета за 1944 год). Хозяин ворчит, что это правда. Ребята разъясняют ему, что я и есть один из этих «киргиз-кайсаков». Он изумлен, сердится, не верит: «Как же это, братцы, так. Ведь он инородец, а унтер. Нет, брешешь, паря».

Показываю красноармейскую книжку, где проставлена национальность – казах. Хозяин качает головой, долго молчит.

Читаю газету дальше и натываюсь на статью, утверждающую о том, что на черемховских шахтах забастовали рабочие, а большевики загнали их в шахты и всех 20 тысяч русских людей утопили. Читаю вслух. Возмущаемся такой глупости, но видим, что хозяева верят. Пытаемся разъяснить, что такого быть не может, т.к. среди этих 20 тысяч горняков, наверняка, 2 тысячи большевиков. Нам не верят, наперебой вчетвером хозяева доказывают, что большевики в России не работают, а господствуют. Спорим, и тогда хозяин говорит, что поверил бы, если бы показали хоть одного живого «большака».

Ребята переглядываются, пересмеиваются и перемигиваются, а потом капитан Извольский спрашивает, а что в этом особенного, что, мол, тут интересного, есть они и среди нас. Хозяин осторожно спрашивает, правда ли, что у них есть рожки и хвостик. Хохочем до слез, до изнеможения, а хозяева сердятся: «Что ж тут такого? И спросить-то нельзя».

Отсмеявшись, ребята показывают на меня: «Вот он, страшный “большак”». Хозяйка всплескивает руками, дочь и сын с изумленным испугом, молча, смотрят на меня, а хозяин не на шутку рассердился: «Вы что дурака валяете. То у вас инородец сержант, то он большевик. Не морочьте голову. «Большаки» все царские кандалники, душегубы, а этот при царе еще и не родился!»

Делать нечего. Достаю из нагрудного кармана кандидатскую карточку и показываю хозяевам, перелистываю страницы, чтобы могли прочитать. Прочитав, спрашивают: «И все?» – «А что?»

Дочь, женщина лет 25, подходит и осторожно щупает мою голову. Ребята хохочут: «Осторожно, он бодливый, этот нехристь». Смеемся уже вместе с хозяевами. Они спрашивают, почему же я «большак», а только сержант. Хозяин кивает в сторону капитана и говорит: «Этот инородец меньший, а тот больший “большак”». На это разъяснение капитан Извольский отвечает, что он беспартийный, а остальные все комсомольцы. Как можем, рассказываем о партии, комсомоле, дружбе народов СССР, о нашей жизни. О том, что в колхозах не спят в сараях под одним одеялом и что у колхозников имеются собственные дома, огороды, коровы, свиньи и т.д.

Не знаем, убедили мы их или нет, но перед нашим отъездом хозяин спросил нас, что будет, если они вернутся в Россию. Не загонят ли в колхоз.

Будет ли работа, разрешат ли детям учиться и многое другое. Так мы воочию убедились, как затуманивает буржуазная идеология головы людей дурманом.

Сейчас некоторые наши молодые люди сомневаются: мол, неужели в капиталистическом мире верят такой чепухе. Да и кто будет писать, и говорить такие небылицы. Утверждаю, что верят, т.к. это преподносится ежедневно, ежечасно, красочно и убедительно. Недаром говорят, что капля камень точит. Так и буржуазная пропаганда по капле точит разум людей.

В заключение хочу сказать, что когда нам дали команду вернуться на Родину, мы нисколько не жалели о легкой службе, обилии фруктов и тепла.

На обратном пути заехали в г. Хайлар. Собрали своих погибших однополчан и в гробах, под трехкратный артиллерийский салют, захоронили в братской могиле, где и сейчас стоит памятник славы советским воинам-освободителям. Осмотрели укрепрайон. Он состоял из взаимосоединяющихся трехэтажных дотов с системой вентиляции, электростанциями, стационарной связью и подземной железной дорогой на конной тяге.

Японцы считали, что могут удержаться в нем без подкреплений более года, а под напором советских войск Хайларский УР (укрепленный район – Д.А.) с многотысячным гарнизоном рухнул за одну неделю.

Полк подошел к пограничной заставе «Отпор» в середине октября 1945 года. Пройдя таможенный досмотр, мы въехали на территорию СССР и сразу же спрыгнули с машин и стали обнимать друг друга со слезами на глазах, с каким-то большим внутренним волнением притопывали по родной земле.

Там, за Хинганом, еще тепло, цветут цветы, виноград, яблоки, груши, а здесь – голые даурские сопки, холодный ветер – предвестник суровой забайкальской зимы. Но нет для нас милее земли, чем эти голые сопки с пожухлой травой, с тарбаганьими норами, под серым ненастным небом, потому что это часть родной земли. Это наша Родина.

«Барлығын айтып тауыса алмайсың...»

Аманжолова Дина Ахметжановна

тарих ғыламдарының докторы, профессор Ресей ҒА тарих институтының жетекші ғылыми қызметкері. 117036 Ресей Федерациясы, Мәскеу қаласы, Дм. Ульянов көш., 19.

E-mail: amanzholova19@mail.ru

Түйін. Автор Ұлы Отан соғысы жайлы естігендерін және білгендерін ұрпақ арасындағы сабақтастықтың өзгешеліктерін эмоциялық қабылдаумен жеткізуге көңіл бөледі. 1941-1945 жылдардағы кеңес өкіметінің аға буын өкілдерінің ерлігі, фашизмнің жауыздығы туралы ақиқат, қатал жүйеге қарсылықты бұрмалаудағы шешуші оқиға кезіндегі КСРО ұлттарының жеңіске қосқан үлесі туралы шындықты көрсетіледі.

Түйін сөздер: Ұлы Отан соғысы; патриотизм; отбасы; есте сақтау.

«It is impossible to tell everything...»

Amanzholova Dina Akhmetzhanovna

Doctor of Historical Sciences, Professor, leading researcher of Institute of Russian History RAS. 117036, 19, Dm.Ulyanov str., Moscow. E-mail: amanzholova19@mail.ru

Abstract. The author draws attention to the specifics of intergenerational relationships in the actualization of memory and emotional perception of knowledge about the Great Patriotic War. Emphasizes the fundamental importance of conservation and the active dissemination of the truth about the criminal nature of fascism, about the exploits of the older generations of Soviet society in 1941-1945. The relevance of the system to counter distortion of facts about the Soviet Union's decisive contribution to the victory over Nazism.

Keywords: The Great Patriotic War; patriotism; family; memory.